

Игорь Булатовский
Стихи на время

НП «Центр современной литературы»

Булатовский И.

Стихи на время / И. Булатовский — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-020-4

Игорь Булатовский (1971) — поэт, переводчик. Книги стихов: «Полуостров» (2003), «Карантин» (2006). Переводы с французского, идиша, немецкого и польского. Лауреат премии Губерта Бурды для молодых поэтов Восточной Европы (2005). Живет в Петербурге.

ISBN 978-5-91627-020-4

© Булатовский И.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Часть первая	7
Январь	7
1	7
2	7
Февраль	8
1	8
2	8
Март	9
1	9
2	9
3	9
Апрель	10
1	10
2	10
Май	11
1	11
2	11
3	11
Июнь	13
1	13
2	13
3	14
4	14
5	14
Июль	15
1	15
2. («Couplet des enfants»)	15
3	15
Август	17
1	17
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Игорь Булатовский

Стихи на время. Книга стихотворений

...Голос кажется тихим и прерывистым, смахивающим на медленную задумчивую скороговорку, я бы сказал, на гармоническое бормотание, если бы по случайности давней моды все на свете не именовалось (одобрительно) бормотанием. Но стоит ли дальше об этом? Не лучше ли дать этому голосу дозреть, достичь полной определенности своего инструментария, самому разобраться со своей терминологией. Многие стихи «Полуострова» и почти все, написанные после него, позволяют говорить о сосредоточенном и осмысленном движении в эту сторону – к себе, к полной свободе дыхания.

Так я – пять лет назад – писал («Октябрь», 6, 2004) о книге Игоря Булатовского «Полуостров» (СПб., 2003) и мог бы повторить все это и сейчас – с одним-единственным добавлением: да, за прошедшие несколько лет этот голос «дозрел» и «достиг полной определенности своего инструментария». Да, движение «к себе, к полной свободе дыхания», собственно, совершено. Что не означает: закончено. Это лишь означает, что теперь оно *совершенно собственно*, это движение, и мы предполагать даже не можем, в какую оно теперь направлено сторону, в каких еще областях мы окажемся, следуя за поэтом.

Потому что – скажем это сразу и прямо – на наших глазах случилось событие редкое и каждого связанного с русской поэзией человека волнующее: один из (как обычно, многих) подающих большие надежды стихотворцев все поданные им надежды с лихвой оправдал и все выданные ему авансы с лихвой возвратил – и действительно стал большим поэтом.

Объективная, историческая сложность такого становления для родившихся в конце 60-х и в начале 70-х гг. прошлого века не имеет, пожалуй, аналогий в истории русской поэзии (если мы выведем за скобки – или, скорее, введем в скобки, вот в эти, – десятилетия безраздельного владычества «лирического мы» – примерно с середины 30-х по середину 50-х гг.).

Умным, умытым детям, выросшим в полузастывшем теплом и темном стекле поздних советских годов, где почти понарошку запретное и не слишком легко-, но и не слишком труднодоступное вино великих стихов кружило головы наравне с керосинным алкоголем «азербайджанских портвейнов» и «молдавских вермутов», очень не повезло с их сверхъестественно цепкой памятью на стихи.

Цепкая память – вещь для поэта вообще нужная, но небезопасная. А особенно во времена, когда «похоже на» буквально терроризировало литературные кружки пионеров и школьников, не говоря уже о вузовских литобъединениях. Похоже на... – на Бродского, конечно, на Бродского, на кого же еще! Все было похоже на Бродского. А не на Бродского, так на Мандельштама. Или Соснору. Или Юрия Кузнецова, на худой конец. Уж на кого-нибудь обязательно! И действию тельно, на кого-нибудь (или на что-нибудь), чаще всего, было похоже. А требовалось, чтобы не. Чтобы было похоже «на себя». Но кто этот «ты», на которого должно быть похоже, конечно же, не объяснялось. «Ты» – и всё тут. В результате чаще всего оказывалось вообще ни на что не похоже – или на всё сразу. Снова своего рода «лирическое мы» позднесоветского рифмования в столбик.

В начале девяностых годов в стихотворство пришли хорошие дети, в чьих умных, причесанных головах безостановочно и неостановимо жужжали чужие великие строчки. Поделаться с этим было нечего, потому что никогда еще в русской поэзии не было такого многочисленного и географически так широко разбросанного поколения начинающих поэтов, так хорошо знакомого с великими стихами предшествующих десятилетий и, главное, такого беззащитного перед ними. В случае стихов *память* всегда означает *любовь*. Что можно поделаться со своею любовью? У них не было никакой возможности взбунтоваться, даже просто взбрыкнуть, потому

что с колыбели, с колыбельной они были «на одной стороне баррикад» с Гумилевым, с Мандельштамом, с Бродским... – «против тех». Вино этих стихов было их кровью.

Но что-то, видимо, надо было сделать, чтобы спасти целое поколение от ощущения своей второсортности. Кое-кому пришлось срочно выдумать (что без дураков и без шуток было благодеянием и мудрым поступком со стороны этого кое-кого) «цитатность», «центонность», «интертекстуальность» и как там еще называется непародийно используемое звучание «несвоей поэтической речи» – т. е. объявить «похоже на» признаком индивидуальности, современности и актуальности. Большое облегчение, освобождение даже, для целого поколения (да и для пары предыдущих, к слову говоря), и – что самое удивительное! – из огромного слоя тогдашних молодых стихотворцев постепенно вышелушилось несколько значительных поэтов, успешно оперирующих «чужим звуком» как инструментом своего текста. Но Игорь Булатовский, насколько я знаю, единственный из своего поколения, кто, не отказавшись от (невероятной даже на общем его фоне) памяти на чужие стихи, не попытавшись забыть «все эти слова» или забить шумами все это жужжащее в голове, сумел совладать со своей памятью, т. е. со своей любовью «классическим», так сказать, способом – т. е. способом, нам неизвестным. Одним из тех способов, каким поэтам прошлого всегда приходилось обходиться с «чужим звуком» – подчинять его себе, наклонять его своим дыханием. Тут уж каждый рождается в одиночку. И вот поэт уже больше не *помнит*, а *знает*, не цитирует, а зовет и отзывается, и его собственный голос, его собственное дыхание живут глубже, звучат глубже, чем привлеченное чужое слово. И все подчинено этому дыханию, этому звуку, этому миру – которого никогда не существовало на свете до него, до Игоря Булатовского, в данном случае.

А это, в свою очередь, и означает, что Булатовский, пожалуй, единственный из своего поколения, стал большим поэтом «по классической системе», в классическом смысле слова – как становились большими поэтами Тютчев и Блок, Мандельштам и Вагинов, Аронзон и Елена Шварц – создав каждый свой отдельный поэтический мир и свой отдельный поэтический язык (не обязательно один-единственный за свою жизнь). Что в свою очередь не самоцель, а некоторая форма человеческого существования в качестве поэта. Целью и результатом являются стихи, расширяющие пространство и удлиняющие время. И такие стихи появляются у Игоря Булатовского с завидной регулярностью.

Все сказанное было более или менее очевидно уже по предыдущей книге Булатовского («Карантин», М.-Тверь, 2006), а лежащие перед вами «Стихи на время» – даже не новое доказательство этого не требующего доказательств факта. Эта книга, своего рода отрывной и безотрывной календарь оборотных месяцев без году и без недели – жестяная, серебряная и поющая часовая карусель, закон своего особого времени, расписание собственной маленькой и безграничной вселенной. Ожидать ли нам следующим шагом ее подробной карты? – как знать, теперь всё в воле поэта, и только эта воля – закон.

Потому что свобода для него – уже не право, а обязанность.

Олег Юрьев
май 2009

Часть первая Стихи на время (2008)

Январь

1

Предполагаем жи...
Когда бы не грамматика,
могли бы просто *жы...*
по правилам «Примат и К».

И не было бы *сча...*
не потому, что нет его,
а потому, что *щя...*
достаточного для этого.

И не было бы *бы-*
тия (-тию, -тие, -тиё),
и не было б судьбы
не потому, что нет её.

2

Ни дня тебе, ни по крошке
от этих блокадных щедрот!
Протягивай по ветру ножки,
подтягивай к сердцу живот.

Будь сказано не в обиду:
от этого только беда,
такая пустяшная с виду,
что может хватить навсегда.

Февраль

1

Нас тут много таких на полу,
в синем и красном углу.

Нас тут много еще таких,
много таких-сяких.

Так мы лежим и сяк.
Получше живых собак,

похуже мертвых львов.
Нет у нас в пасти слов.

Мы глядим в потолок,
видим ветку, цветок

и считаем внутри:
один, два, три...

2

Это вкривь и это вкось,
ничего не обошлось:
врозь и вместе, вместе, врозь.

Это в кровь и это в кость,
это новость, вроде, гость,
враз и вместо, в полость, в ость.

Это в гриву, это в хвост,
это всё навыворот, в рост.
Это до звезды. До звезд.

Март

1

В. К.

Так женственны (-анна и -енна)
земных окончаний слова.
Пусть *слабая память блаженна* —
блаженная память слаба.

2

И где напасешься на эту траву
овец, засыпающих стоя
то в черном, то в белом хлеву наяву
и блеющих что-то простое?

Пусть эти овечьи не вечные сны,
как здешняя травка, неярки,
но в них (кто их знает?) слышны — не слышны
ворчанья небесной овчарки.

3

Л. В.

Как в залитых зенках алкоголика,
двоится, троится всё...
Неужели не найдется нолика —
приписать в расход на то, на сё:

на какую-нить водичку сольную,
каких-нить волнушек хор,
на такую нитку, чтоб не бóльшую,
если недобор и перебор?

Где ее ссучили, где навóщили,
тебе ли не знать о том...
Ну, не все равно ли «в óщип», «вó щи» ли,
если наливают «суп с котом».

Апрель

1

С большими говорить
на маленьком языке —
что-то вертеть-крутить
за спиной в кулачке,

что-то крутить-вертеть,
будто знаешь сам,
будто успел подсмотреть,
что там.

2

Оставь-на... всяк, оставь навсяк
и этот звук, и этот звяк,

и этот *бим*, и этот *бом*,
чтоб не припомнили потом,

и этот листик, *Lizst* и *Lust*,
чтоб чист и прост был костный хруст,

и – что там? – плач и скрежет зу...
и наверху, и навнизу,

и эту тень, и *тень-тень-тень*,
чтоб дребедела дребедень,

оставь пустяк, оставь, пусть так,
все это так, и все не так.

Май

1

Где найдешь,
там и потеряешь
(с гулькин нож,
это ножевая ж).

Неглубок
ранки поперечник:
голубок
поглядел в скворечник.

А внутрих —
горсточка помета,
перья, прах
и еще чего-то.

2

Сопротивление этого
матерьяла,
петого-перепетого
от велика до мала,

в том, что с родного голоса
слышно еще ля-ля,
а выше — всё тоньше волоса:
от малого до нуля.

3

Однозвучной жизни шум,
ту-ру-рум, бу-рум.

Это вот она поет
(или не поет).

Ни о чем-то, ни о чем
и о чем-то ни о чем.

Как и ты – одно из двух —
про себя и вслух.

Июнь

1

За ушкб да
на солнышко,
хоть и *škoda*,
что сон еще.

Хоть и школа,
и схолии
(роль глагола
в истории).

А история
старая,
только то и
осталось ей,

что у всех
переспрашивать:
это ваше ведь,
ваше ведь?

2

...comme un sansonnet
Nerval

Да видно ж нельзя пока
на клюв наколоть жучка

и спеть жучку «алеманд»
и – что еще? – «полукурант».

Под лапками там и тут
лишь черные точки ползут.

А этим, как ни свисти,
выходит «бог-пронеси».

3

Эти чешуйки одна за другой
прилепятся, хоть и не сразу,
и станешь ты в них «королевич-Бовой»,
возьмешь копьёцо и поскачешь травой
в глаза поглядеть Китоврасу.

4

В доли не додали,
вдоль и не до дали
где-то поперек
(видишь – огонек).

Этой целой доли
хватит ли на «до» ли,
если не доляют
(*sol, fa, mi, re, ut*)?

Хватит, у тебя ведь
синенькая память
мозга поперек
(видишь – огонек).

Нам ли быть в печалях
на семи морях?
Грудь в долях и далях,
сердце в якорях.

5

Ф.

Кровь идет, а день стоит,
и в близорукие пропилы
глазок на нее глядит
и видит, видит что есть силы,
что силы есть, да нету рук,
близко, да не остановит,
и лишь сердечник звук «тук-тук»
всё ловит, ловит, ловит, ловит.

Июль

1

О. Ю.

Что там ласточки всё развешивают?
Как что? Всё обратно по местам.
Каждый вечер сдают они вещи в уют.
Что ли нам сдавать их? Не нам.

У этих крылышки укорочены
и хвостик не так остер,
чтобы не было ни зачины,
а то сморгнешь и – в костер.

У них до темени нету времени
(к тополям идут тополя),
ведь выше темени нету времени,
лишь голимые «пузеля».

2. («Couplet des enfants»)

На подпорочках, как помидорки,
с кусточка – по два/две, по три,
немилые братики-сестёрки,
фанфаны де ля патри.

А лён ваш так светел, так светел,
волна, завиток и волна...
Несильно немил, ведь над бесиком – петел.
Успеет еще дотемна.

3

На всякую память —
на вязкую камедь
наклеены звездочки те.
Легка жечь, мягка медь,
легка жисть, покамест
деревья видны в темноте.

На всякую память —

на вязкую камедь
наклеены звездочки ведь?
Легка же местами,
покамест над нами
ломается эта комедь?

Август

1

Д.

Опять бросаешь ветер на слова,
и сохнет свет на капле покрывала,
талатта выгибается едва
и преломляет впившееся жало,
и вот готовы «парус» и «волна»,
и пару слов уже размалевало,
и распускает (верная ж она),
все то, что в просторечии соткала.

2

Слов словесных,
всем известных,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.